

Цивилизация развивается за счет увеличения количества операций, которые мы можем выполнять, не думая о них.

Альфред Норт Уайтхед
(философ, 1911 г.)
(Дайдж 2010: 22)

Магия творчества в обществе — прорыв к новой истине сквозь устоявшиеся знания... Творчество, преобразуя мир, своим базисом имеет

творчески преобразованный мозг человека... Интеллектуально-научный потенциал — мощнейшая движущая

ществование возможных альтернатив, между которыми переводчик должен сделать свой собственный выбор — и есть сущность его искусства». (Убоженко 2014: 45)

Профessor В.Н. Комиссаров указывал в одной из своих работ, что самое главное в переводческом творчестве — умение выбрать и принять единственно верное решение, приемлемое в данной конкретной ситуации, с учетом огромного количества детерминирующих факторов: «Choice is the heart of all creating, and where there is no choice there is no room for ingenuity. Intuition and creativity as the highest functions of human mind are not easily accessible to analysis but the complexity of the task is no excuse for the refusal to tackle it. Translators

изобретать в науке значит — иметь абсолютно другой уровень мышления (нежели, к примеру, у мыслителей в художественном творчестве — поэтов, писателей, композиторов, живописцев). Задача более высокого порядка — суметь научить будущих ученых принимать творческие решения, помочь им в освоении этапов творческого процесса, попытаться алгоритмизировать столь многогранный и, на первый взгляд, не поддающийся заключению в жесткие рамки, вид интеллектуальной деятельности человека, как творчество.

В точных науках, как ни странно, уже сравнительно давно известна методика изобретательства ТРИЗ, предложенная Г. Альтшуллером. Казалось бы, такая идея должна была родиться в умах гуманитариев, ведь именно за ними традиционно признавался статус настоящих творцов, чьи открытия, как утверждалось, не подвластны никаким алгоритмам, моделям и иным аргументированным теоретическим объяснениям. Все мы хорошо знаем и психологический прием «мозгового штурма».

Однако практика и опыт показы-

Ирина Вячеславовна Убоженко
НИУ «Высшая школа экономики» (Москва)

Переводческое творчество и интуиция

сила общества..., высшая форма этого потенциала — творчество...

Бехтерева Н.П.
(Бехтерева 2008: 6, 366)

Еще Теодор Сэйвори, английский переводчик середины XX века, автор известной книги «Искусство перевода» (1957 г.), в свое время писал, что истинно творческим началом в деятельности переводчика является вечный поиск и момент выбора варианта перевода — одного из многих или пусть даже оного из двух: «Су-

training programs should be based on a proper understanding and an objective description of the translating process». (Komissarov: 64-65)

В настящее время, когда перед нашей страной и всей отечественной наукой стоит серьезнейшая задача по достижению соверенно новых, модернизированных результатов, развитие творческих умений и навыков, которое было актуально всегда, приобретает иное, более весомое значение. Творить и

вают, что попытки объяснить и даже инициировать творческие решения существуют и в сферах гуманитарных наук, особенно в лингвистике. Языковое творчество — источник огромного количества экспериментальных данных, связанных с исследованием феномена человеческого творчества как такового.

Поделившись однажды, сразу после окончания аспирантуры, с глубоко уважаемым мною профессором Комиссаровым В.Н. тем, что очень интересуюсь проблемами творчества,

в ответ я услышала: «Когда я тоже был молод, — Вилен Наумович улыбнулся, — то вообще считал, что **любое** творчество уходит корнями в **язык**, и именно **языковое** творчество — основа всех других видов творчества. Но с возрастом я понял, что пока это невозможно доказать».

На современном этапе наука о переводе переживает поистине переломный момент на самых разных направлениях своего развития: в области фундаментальных теоретических основ, на пути кардинального пересмотра существующих концепций исторического наследия отечественного и зарубежного переводоведения, в вопросах переводческой практики, в решении неразрывно связанной с практическими навыками перевода проблемы методической и методологической базы перевода, в рассмотрении аспектов преподавания перевода в высшей школе и др.

В настоящей статье я позволю себе остановиться лишь на крохотном аспекте изучения лингвистического творчества — на понятии творчества переводчика — и постараюсь охарактеризовать его отличительные особенности, а в связи с этим, и очертить возможные лингводидактические перспективы современного переводоведения.

Практическая ценность и эффективность любой теории зависит от ее объяснительной способности, а последняя — от качества соответствующего понятийного аппарата. Отечественная теория перевода в этом отношении требует в настоящее время уточнения ряда своих ключевых положений, особенно относительно терминологии, которая нуждается, в первую очередь, в выделении исходных понятий, а также в систематизации и опоре на качественную лингвистическую теорию.

Поэтому сначала, в целях корректной металингвистической интерпретации излагаемого материала (в частности, конкретных

примеров), необходимо дать четкие дефиниции целому ряду важнейших понятий, обозначающих семантические свойства естественного языка: таких, как 1) значение, 2) прагматика, 3) толкование / смысл, 4) многозначность, 5) идиоматичность, 6) концепт, 7) синонимия.

Все элементы языка имеют семантическую нагрузку, передают определенную информацию, смысл, причем как эксплицитно, так и имплицитно; способность иметь

1) значение — основное свойство всех языковых единиц и главный языковой компонент.

2) Прагматика также семантически значима, поскольку именно прагматические значения выражают модальность речи и отдельного высказывания. Основная лингвистическая задача — уметь раскрывать, эксплицировать заложенный имплицитно смысл и правильно его интерпретировать.

Все значения можно представить в виде 3) толкования. Так, в переводе, решение, как нужно переводить ту или иную единицу смысла¹, всегда контекстуально обусловлено². Толкование³ контекстуального значения — основанная умственная (переводческая) операция, которая, в свою очередь, непосредственно зависит от основной функции контекста. Контекст же, как известно, служит цели «снятия», устранения полисемантичности языковой единицы, т.е. ясного определения того, какое именно из значений той или иной многозначной единицы актуализировано в каждом конкретном случае.

Отсюда важнейшее семантическое понятие 4) многозначности, подчеркивающее, что один и тот же языковой элемент может иметь, и чаще всего имеет несколько значений (при этом небезинтересен тот факт, что самыми многозначными в языке являются предлоги и грамматические показатели). Распознавание денотативного, образного, коннотативного, контекстуального (!)

окказионального) значения — главнейший фактор, детерминирующий выбор правильного языкового (переводческого) решения.

Помимо этого, следует особо выделить такое необычайно распространенное в языке явление, значимость которого в переводоведении, в действительности, пока еще не осознана и не оценена полностью, как 5) идиоматичность или, другими словами, несвободная сочетаемость, связанная с выражением дополнительной (зачастую имплицитной) содержательной информации: модальной, прагматической, концептуальной и т.п.

Напомним, что языковая картина мира реализуется в 6) концептах, являющихся воплощением культурно значимых мировоззренческих представлений носителей языка (об окружающей действительности, человеке и обществе и т.д.), аккумулирующих в себе практические знания и индивидуальный (перцептивный) опыт, которыми человек владеет на подсознательном уровне только благодаря тому, что владеет языком.

И, наконец, рассмотрим понятие 7) синонимии. Отличительной особенностью синонимических средств языка является то, что они могут относиться к разным частям речи, к разным типам языковых явлений и т.п. Так, характеризуя феномен «языкового поведения», Апресян Ю.Д. отмечает, что «владение языком» складывается из четырех основных операций, которые человек способен выполнять на естественном языке:

- 1) строить на этом языке текст, выражающий нужное значение (способность говорения), а также извлекать значение из воспринимаемого текста (способность понимания);
- 2) соединять слова друг с другом идиоматично, т.е. в соответствии со сложившимися в данном языке и часто трудно мотивируемыми нормами синтаксической, семантической и лексической сочетательности;

емости;
3) устанавливать различные семантические отношения между высказываниями, в частности, а) **отношения синонимии** и б) **отношения логического следования**;
4) устанавливать различные семантические свойства предложений, в частности, а) отличать семантически правильные предложения от семантически неправильных и б) отличать семантически связные тексты от семантически несвязанных.

Ю.Д. Апресян особо подчеркивает, что в указанных рамках носители языка выполняют все перечисленные операции **интуитивно** и не дают себе отчета в том, на каком основании они выбирают то или иное решение. (Апресян 1995: 6-13)

В связи с этим, мне представляется, что главная роль при выборе варианта перевода принадлежит именно **перифрастическим — синонимическим — средствам языка** в самом широком смысле этого слова, которые служат цели *идиоматичной* связи слов друг с другом.

Следует также отметить, что мыслительный тезаурус переводчика имеет сложную структуру: отдельные представления связаны между собой ассоциативными связями, а сила ассоциативных связей соответствует вероятности сочетания данных объектов в индивидуальном опыте. В мыслительный процесс в первую очередь вовлекаются цепи сильных ассоциативных связей; слабые ассоциативные связи вовлекаются в том случае, когда элементы, которые они соединяют, находятся в состоянии повышенной активности.

В соответствии с тезаурусной мо-

делью, предложенной Н.Ф. Овчинниковым еще в 2004 году в одной из его, на мой взгляд, революционных работ, мышление предопределено структурой знаний. Чисто бессознательное мышление, то есть такое, когда в поле осознанного внимания имеется только исходный стимул, вопрос, задача, и без каких-либо промежуточных осознаваемых этапов возникает ответная реакция, гипотеза, идея решения, может давать как тривиальные, ша-

ния легко активируются в результате распространения активационного процесса от исходных осознанных пунктов. А вот маловероятные идеи или слова осознаются только в результате *суммирования* активационных процессов.

Каким же образом активируются «маловероятные» знания? В результате дополнительной активации. Например, если провести элементарную логическую операцию классификации, то в классе транспортных средств Востока легче будет вспомнить о рикше, верблюде, джонке. А в классе транспорта древнего мира — о колеснице. Что при этом происходит? Каждый момент осознания служит источником распространения активации по сети знаний. Элементы, связанные с источником активации прямыми сильными связями, осознаются

как ответы, а связанные

слабыми связями активируются только до подпорогового, подсознательного уровня. Эта подпороговая активированность сохраняется некоторое время. Если потом запускается новый активационный процесс, и есть пересечение прямых связей от нового процесса с ранее подпорогово активированными элементами, то они получают дополнительную активацию и осознаются.

Структура знаний организована в виде системы взаимосвязанных семантических сетей, включающих связи разного типа и силы между различными элементами. Элементы могут находиться на разном уровне активности. Высший уровень активности соответствует сиюминутному сознанию этого элемента в результате восприятия из внешнего мира или вследствие внутриментальных процессов. От максимально активированных

блонные результаты, так и оригинальные, творческие. Это зависит от того, насколько оригинальна сама структура знаний и представлений данного человека. Если структура знаний в области, соответствующей проблеме, у данного человека совпадает с общепринятой, то его интуитивные идеи и решения будут шаблонны, если же его структура знаний значительно отличается от таковой, то бессознательно выдвигаемая идея будет оригинальна. (Овчинников 2008: 37-42)

Включение промежуточных этапов осознанного внимания может способствовать вовлечению в мыслительный процесс слабых ассоциативных связей и получению оригинальных идей.

В структуре знаний существуют высоковероятные и маловероятные знания. Высоковероятные зна-

(осознанных) элементов активация распространяется по сети знаний, вызывая активацию других элементов, в первую очередь, связанных с исходно активированными, сильными прямыми связями. Встреча и суммирование активационных процессов от осознания условий и требований задачи приводят к осознанию ответа. Активация сохраняется некоторое время, постепенно спадая. Активационные процессы могут суммироваться.

Дополнительные активационные процессы, вследствие осознанных размышлений, переформулировок задачи, суммируясь с первичной активацией, могут приводить к сознанию маловероятных решений, знаний, связанных с элементами первичной формулировки слабыми связями.

Стихийное мышление предопределено автоматическим использованием готовых систем сильных связей. Сама структурная организация предопределяет учет причинно-следственных закономерностей, категориальную взаимосвязь понятий и другие элементы логики. Поэтому стихийные, интуитивно-очевидные ответы логичны. Но при решении реальных задач может быть множество разных, хотя и логичных ответов. Однако качество их, эффективность может быть различной. Автоматические, стихийные, интуитивно-очевидные идеи соответствуют актуализации только высоковероятных знаний. И, если структура знаний в области решаемой задачи шаблонна, то ответ — шаблонный, если структура знаний оригинальна, то и стихийный ответ — оригинален.

Эти процессы на психологическом уровне переработки информации подобны процессам на нейрофизиологическом уровне. Известно, что нейронные сети работают по такому же принципу: процесс возбуждения может распространяться, если в нейрон с высоким порогом (низкий

уровень активности элемента) придет сильный импульс, благодаря высокой проводимости соответствующего синапса, или, если слабый импульс поступит в нейрон с низким порогом (высокий уровень активности).

Сильные и слабые ассоциативные связи, о которых говорит Н.Ф. Овчинников, можно сопоставить с системой из жестких и гибких звеньев, лежащей в основе мозговой организации мыслительной деятельности человека (подход был в свое время предложен профессором Н.П. Бехтеревой, которая тогда руководила научной группой нейрофизиологии мышления, творчества и сознания Института мозга человека РАН). (Бехтерева 2008: 45-50)

Исследование перевода через призму психолингвистических постулатов, касающихся мыслительного процесса, происходящего в мозге переводчика, в его т.н. «черном ящике», было и остается краеугольным камнем когнитивного анализа переводческой деятельности еще со времен Г. Крингса и его метода «думай вспух». Неудивительно, что данная проблематика продолжает интересовать и многих современных лингвистов-переводоведов.

В предлагаемой мной методической концепции обучения переводу роль своеобразного «помощника» при выборе переводческого решения отводится **«слову-стимулу»**, которое

1) призвано активизировать весь спектр знаний обучаемого, и служит цели стимулирования слабых ассоциативных связей путем

а) детального рефлексивного семантического анализа исходного выражения (при этом главным «инструментом» является **пословный перевод**) и толкования его смысла, реализованного в конкретном **контексте** (с целью разрешения формальной **множественности**), а также

б) экспликации основных коммуникативных функций (интенций)

текста оригинала, и, в дальнейшем, в) осознания и (или) формулирования доминирующей цели при выборе варианта перевода с учетом правил идиоматичной сочетаемости отдельных смысловых элементов;

иными словами, **слово-стимул** есть четко сформулированный, абсолютно понятный обучаемому активатор (*«push»*), отвечающий за вовлечение в процесс перевода, в большинстве своем, металингвистических знаний, необходимых и достаточных

2) для принятия оптимального переводческого решения.

Полагаю, что необходимо выделять, как минимум, три основные группы таких стимулов-активаторов (или стимулов-подсказок):

1) **стилистические стимулы** — стимулы, указывающие на необходимость ориентации при переводе на стиль (формальный или неформальный);

2) **контекстуальные стимулы** — стимулы, указывающие на необходимость учета при переводе коннотативного значения и коммуникативного смысла выражения;

3) **экстралингвистические стимулы** — стимулы, указывающие на необходимость экспликации при переводе фоновых и привлечения энциклопедических знаний переводчика (а не адресата), или стимулы-активаторы фоновых знаний, которые, в свою очередь, подразделяются на собственно фоновые (культурологические), лингвоспецифичные и энциклопедические.

Сущность методики на практике заключается в следующем.

Преподаватель на этапе предпереводческого анализа текста или отдельного словосочетания предъявляет студенту соответствующее слово-стимул (*«стиль»*, *«контекст»*, *«фон»*), активизирующее весь комплекс релевантных знаний обучаемого

по данному аспекту и стимулирующее принятие решения с учетом данного доминирующего фактора. Далее переводческое решение выводится по алгоритму, содержащему в себе **три основных этапа** (шага): этапы I) анализа и толкования смысла, II) экспликации основной коммуникативной интенции и III) формулировки идиоматичного варианта перевода с учетом правил сочетаемости.

Приведем пример, наглядно демонстрирующий выбор контекстуального, а не словарного соответствия при переводе, при невозможности дословного перевода, с учетом правил идиоматичной сочетаемости отдельных элементов значения.

Слово-стимул — «контекст»

Выбор окончательного переводческого решения осуществляется по следующему трехшаговому алгоритму.

Пример 1.

the vacant landscape

Шаг I: анализ и толкование смысла.

Согласно словарю, прилагательное *vacant* полисемантично:

vacant (прил.) — (общ.) пустой; незаполненный; незанятый; свободный; вакантный (о должности); бездеятельный; безучастный; отсутствующий; рассеянный (взгляд и т.п.); бессмысленный; бездумный; беззаботный; **свободный** (от чего-л.); холостой (ход); бессмысленный (о взгляде и т.п.);

поскольку исходное слово **многозначное**, путем перебора вариантов **дословного перевода** —

- вакантный пейзаж (буквализм, первый ассоциативный вариант перевода, приходящий в голову),
- незанятый пейзаж,
- свободный пейзаж —

выводим его главный смысловой компонент — «**свободный от всего живого, от жизни**» (буквализм).

Шаг II: экспликация основной коммуникативной интенции

Выводим (коммуникативный) смысл выражения — (очень) пустынный пейзаж, где нет жизни (учитываем **образность и переносное значение**).

Шаг III: формулировка варианта перевода с учетом сочетаемости и идиоматичности.

Выводим переводческое решение: пустынный пейзаж, где нет жизни — «безжизненная местность» (**перефразированные смысловые лексические синонимы**: пейзаж — местность).

Таким образом:

ИЯ — *the vacant landscape*

ПЯ — безжизненная местность.

Пример 2.

Sunlight penetrating her nest of leaves woke her.

Она проснулась от солнечного света, проникающего сквозь ее убежище.

her nest of leaves

Шаг I: анализ и толкование смысла.

Согласно словарю, существительное *nest* полисемантично:

nest (сущ.) — (общ.) гнездо; выводок; уютный уголок; гнездышко; притон; группа однородных предметов (напр., ящиков, вставленных один в другой); набор однородных предметов; трущоба;

поскольку исходное слово **многозначное**, путем перебора вариантов **дословного перевода** —

- гнездо из листьев,
- уютный уголок из листьев,
- гнездышко, сделанное из листьев —

выводим его главный смысловой компонент — «**уютное гнездышко**».

Шаг II: экспликация основной коммуникативной интенции

Выводим (коммуникативный) смысл выражения — гнездышко из листьев являлось для заблудившегося в лесу ребенка не просто ночлегом, но мечтой, где ей было **не так страшно** (страх — главная эмоциональная доминанта), где она могла **укрыться** от диких животных.

Шаг III: формулировка идиоматичного варианта перевода с учетом правил сочетаемости.

Выводим переводческое решение: «уютное гнездышко, где можно укрыться и не бояться» — «убежище».

Таким образом:

ИЯ — *her nest of leaves*

ПЯ — ее убежище.

Еще проще, с методической точки зрения, можно проследить возможность стимулирования слабых ассоциативных связей у студентов, уже хорошо знакомых с дисциплинами теоретического цикла по соответствующей специальности (владеющими профессиональными знаниями, к примеру, в рамках теории перевода).

Слово-стимул — «стиль»

Если при переводе фраз «*the President said*», «*tolerance must not be considered as a kind of doctrine of universal forgiveness*» студент предлагает «Председатель сказал», «терпимость не должна считаться своего рода доктриной всеобщего прощения», преподавателю достаточно «подсказать» лишь одно слово — «стиль», — и он мгновенно корректирует вариант на более удачный («Председатель заявил», «терпантность не должна рассматриваться в качестве некой доктрины всепрощения»), поскольку понимает, что нарушил стилистическую адекватность, предложив для перевода фразы

из официального общественно-политического текста разговорную лексику.

Слово-стимул — «фон»

В примерах, приведенных ниже, выбор варианта перевода целиком основан на фоновых (культурологических и энциклопедических) знаниях переводчика, который переводит текст о Новой Зеландии. Именно владение фоновой информацией позволяет правильно истолковать смысл исходной лексической единицы и, применив нужный переводческий прием pragматической адаптации (калькирования, генерализации, описательного перевода, транслитерации и др.), предложить адекватный переводящий эквивалент.

Пример 1.

Оригинал: She knew that what she'd seen on the verandah of Orchard House had probably been just an inquisitive gecko...

Перевод: Она знала, то, что она увидела на веранде дома Орчардов, могла быть всего лишь любопытная ящерица геккон...

Фон: Геккон — небольшая ящерица с крупной головой и с присосками на лапах, свободно перемещающаяся по вертикальной поверхности.

Пример 2.

Оригинал: Later, in the dark, two kea came and feasted on roasted insects and lizards.

Перевод: Позже, когда стемнело, прилетели два попугая кеа и устроили пир из поджаренных насекомых и ящериц.

Фон: Кеа — крупный зеленый новозеландский попугай. Длина тела 46 см; вес 600–1000 г. В окраске определения преобладает оливково-зеленый, иногда слегка буроватый цвет, под крыльями перья окрашены в ярко-красный цвет. Лапы серые. Волосы на радужке темно-серые. Клюв темно-серый, сильно загнутый, надклюевые

длинное. Имя попугай получило из-за громкого крика: «кеее-аа». Попугай кеа размером чуть крупнее вороны. Живут эти попугаи стаями в горах Новой Зеландии, выше лесной полосы. Гнезда надежно защищают от непогоды, в каждом из них — по 4 яйца. Знамениты кеа тем, что один или два попугая из их стаи могут нападать на овцу. Попугай неожиданно садится к ней на спину. Она его сбрасывает, а он снова садится. И снова, и снова... пока жертва не упадет. Добычей пользуется вся стая. Но в основном кеа кормятся насекомыми и их личинками, червями, фруктами.

Пример 3.

Оригинал: Pare's sickness left her and she began eating eels and *kūmara* and the meat of birds...

Перевод: Болезнь Пэи отступила, и она начала есть угри, сладкий картофель и мясо птицы...

Фон: Кумара — новозеландская разновидность сладкого картофеля.

Таким образом, в процессе работы над поставленной задачей каждый пункт нашей методики заставляет обучаемого осознанно сформулировать основную коммуникативную цель фразы ИЯ, и эти осознанные формулировки цели, а также пословный перевод и толкование глубинного смысла исходного выражения, в сочетании с обобщенными представлениями о компонентах системы, которые аккумулируют в себе слово-стимул, вызывают активацию имеющейся в памяти, в мыслительном тезаурусе будущего переводчика информации (его знаний).

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что перевод — есть процесс творческий, безусловно требующий, если так можно выразиться, «генетической предрасположенности», врожденной креативной языковой способности. При этом абсолютно точно, что процесс перевода основан на сугубо лингвистических, языковедческих зна-

ниях и навыках, сформированных в ходе целенаправленного обучения этому виду творческой деятельности, а потому это процесс художественного и научного творчества одновременно — не больше, не меньше.

Выводы и отправные моменты для перспективных исследований

1. Задача переводчика — адекватно передать смысл оригинала. Смысл определяется нами как «семиотический комплекс», обусловленный совокупностью ассоциативных связей в мышлении человека и базирующийся на его индивидуальном опыте использования языка и восприятия окружающей действительности.

2. В основе профессионального лингвистического анализа лежит понятие дискурса. Дискурс вмещает в себя текст со всей «затекстовой», фоновой информацией, с его т.н. бэкграундом, включая время создания, мотивы автора, социальную ситуацию и т.д. Все эти факторы учитываются при переводе.

3. Следует различать два понятия, характеризующих смысловую структуру текста, которые на русский язык переводятся часто (вне контекста) одним и тем же словом — связь. Их совокупность и обуславливает, в итоге, смысл, который у каждого переводчика оказывается все-таки немного своим. Когезия (*cohesion*) — термин заимствован из химии и буквально означает связь между молекулярными частицами — подразумевает линейную связь между лингвистическими элементами текста, то есть то, что лежит на поверхности, что-то понятное, явное, очевидное для нас. Когерентность (*coherence*) — хаотичная, лишь на первый взгляд, связь, некая глубинная смысловая структура (в терминах В. Гумбольдта и Н. Хомского), которая не очевидна, но которую мы, рассуждая и рефлексируя, можем достроить, проследить и расшифровать.

4. Меньшие трудности у специали-

стов по переводу вызывают регулярные соответствия (по Я.И. Рецкеру): такие элементы языка, как термины, имена собственные и другая прецизионная информация. Однако и здесь не достаточно просто овладеть техникой транслитерации и транскрипции.

5. Контекст — понятие вовсе не потерявшее своей актуальности, а по-прежнему самое главное в лингвистике перевода. Узкий контекст — ближайшее языковое окружение слова — позволяет нам сразу же снять многозначность. Широкий и экстраплингвистический контекст (иногда текст целиком) нужны в том случае, если дать моментальный и однозначный ответ не получается, и, чтобы подобрать адекватный эквивалент, нужно обратиться к справочной информации.

6. Понимание качества перевода должно сочетать в себе соотношение эквивалентности (на одном из ее иерархичных уровней) и прагматической адекватности. Адекватный перевод должен отвечать предъявляемым к нему требованиям. Эквивалентность же — важнейшее мерило сохранения заложенного в оригинале смысла, мера «взвешивания» и оценки «количества смысла», успешно переданного переводчиком.

7. Самое важное в теории переводческого творчества — понятие окказионализма. Это тот эквивалент перевода, который уместен здесь и сейчас, исключительно в данном отрывке текста, адекватно считываемый только представителями определенной коммуникативной группы («*community*»). Языковые способности человека можно и нужно развивать и совершенствовать, в том числе, через умение видеть и создавать подобные окказионализмы в процессе обучения переводу, что, в конечном итоге, влияет на весь творческий языковой и неязыковой потенциал личности.

8. Важно помнить, что мысль, вопреки распространенному мнению, все-таки вовсе не вербальная. Мы думаем не на языке в принципе, и уж

точно — не на родном, не на русском. Мы думаем некими, если так можно выразиться, энергетическими сгустками, которые непременно окрашены эмоционально, смысловыми семиотическими комплексами, зависящими от нашего чувственного и интеллектуального опыта.

9. Владение языком складывается из четырех основных операций, которые человек способен выполнять на естественном языке: 1) говорить и понимать; 2) соединять слова между собой идиоматично; 3) устанавливать различные семантические отношения между высказываниями и 4) находить семантически не верные или не связные предложения. Примечательно, что носители языка выполняют все эти действия интуитивно.

10. Переводческая интуиция существует, и современные методы нейронауки позволяют глубже заглянуть в «переводческую кухню». Но уже сейчас очевидно, что говорить о какой-то отдельной зоне головного мозга, отвечающей за перевод, скорее всего, безосновательно. Все дело в нейронных связях между зонами мозга, связях, которые ученым еще предстоит открыть, а нам научиться их создавать, нарабатывать, активировать, чтобы в момент принятия интуитивного решения мозг моментально подсказал адекватный ответный шаг.

Понятие творчества, прежде всего, предполагает ВЫБОР либо из нескольких имеющихся решений одного, наиболее подходящего в конкретной ситуации, либо **создание** принципиально **нового** решения. И в том, и в другом случае выбор всегда обусловлен индивидуальной интерпретацией переводчиком информации, подлежащей переводу. Интерпретация же зависит как от общего набора стандартных (теоретических, металингвистических) знаний, необходимых переводчику для принятия корректного решения относительно выбора финального варианта перевода, так и от сугубо индивидуальных перцептивных особенностей его как личности.

Несмотря на существующие на сегодняшний день часто пессимистические взгляды ученых на исследуемую проблему, можно утверждать, что научному и художественному лингвистическому (переводческому) творчеству **можно** обучать.

Обучение, прежде всего, должно базироваться на овладении навыками индивидуальной интерпретации объектов окружающей действительности, а значит — навыками рефлексии, осознанного целеполагания, рассуждения над проблемой и сознательного выбора переводческого решения. Неоднократно осознанное рано или поздно при напряжении интеллектуальных усилий непременно будет способствовать инициированию бессознательного, но при этом верного решения в новой неординарной ситуации.

Сноски

1. Предвидя возможную критику термина «единица смысла», оговорюсь, что дискуссия на тему о значении и уместности употребления терминов «единица языка», «единица перевода», «инвариант», «единица смысла», «единица информации», «мем» и мн. др., безусловно, остается за рамками данной статьи. Отметчу лишь, что вслед за профессором Т.А. Казаковой, я склонна полагать, что смысл представляется как сеть взаимосвязанных ассоциаций, возникающая в отношении знака, и существует в речевой памяти как свернутая, сокращенная форма внутренней речи — семиотический комплекс. В основе такого комплекса лежат опорные смысловые единицы, связанные друг с другом и остальными смысловыми элементами комплекса системой относительно устойчивых и относительно неустойчивых (разовых) ассоциаций. Сам комплекс смысловых ассоциаций, безусловно, определяется ассоциативными связями другого рода — с внешними по отношению к нему рече-мыслительными единицами.

Оперирование такими комплексами позволяет выделять в тексте в процессе его обработки речевой памятью опорные смысловые единицы, иными словами, является основой семиотического (знакового) отождествления текста. В переводе речь идет о поиске двух соположенных знаков исходного и переводящего языков, что обусловлено формированием двух взаимодействующих комплексов ассоциаций. (Казакова 2006: 210-212).

2. За исключением так называемых (в терминах теории закономерных соответствий Рецкера Я.И.) «регулярных», «единичных» соответствий (к примеру, абсолютно однозначных терминов).

3. Толкование, вслед за академиком Апресяном Ю.Д., мы в данном случае понимаем как «аналитическое определение значения данной языковой единицы (лексической или грамматической) или общей части значений нескольких языковых единиц на специальном семантическом языке», т.е. на более простом, доступном для понимания. (Подробнее см.: [Апресян 2000, XLII; 2005]).

Литература:

1. Vilen N. Komissarov. On Linguistic Basis of Creativity in Translation. – La Traduzione. Saggi E Documenti. Quaderni di Libri e Riviste D’Italia. N. 33.

2. Овчинников Н.Ф. Новый взгляд на мышление. – Ростов-на-Дону: Рост-Издат, 2008. – 105 с.

3. Бехтерева Н.П. Магия мозга и лабиринты жизни. – М.: ACT; СПб.: Сова, 2008. – 383 с.

4. Апресян Ю.Д. Избранные труды, том 1, Лексическая семантика, Синонимические средства языка, 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – VIII с., 472 с.

5. Казакова Т.А. Художественный перевод: теория и практика. Учебник. – СПб.: ООО «Инъязиздат», 2006. – 544 с.

6. Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.

7. Дойдж Н. Пластичность мозга. Потрясающие факты о том, как мысли способны менять структуру и функции нашего мозга. – М.: Эксмо, 2010. – 544 с.

8. Убоженко И.В. Зарубежное переводоведение. Великобритания. Монография. – М.: «Р.Валент», 2014. – 236 с.

Конференция в Саранске, семинар в Воронеже